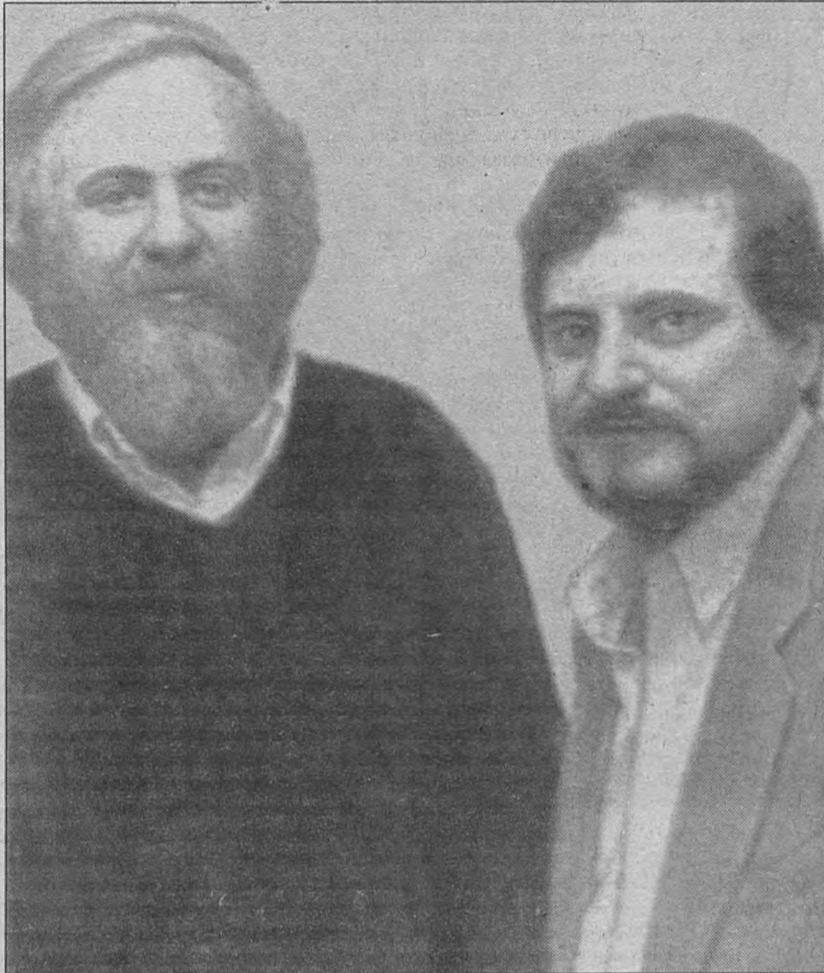

Угроза свободы

Настоящее и будущее литературы российского зарубежья — своими размышлениями по этому поводу с корреспондентом «МН» Татьяной Андриасовой делятся из Нью-Йорка писатели Петр ВАЙЛЬ и Александр ГЕНИС.

Моск. новости - 1993 - 24 янв. - с. 36

«МН»: Повлияли ли перемены в отечестве на творчество писателей-эмигрантов? Тем более что многие из них теперь нередко введываются в Россию и в курсе домашних дел.

Александр ГЕНИС. Перемены в отечестве оказали сокрушительное влияние на эмигрантскую литературу. Увы, в прямом смысле свобода печати в России сокрушила русскую словесность за рубежом.

Строго говоря, в эмиграции нет и не может быть своей литературы — есть лишь, как писал еще Ходасевич, груды хороших книг. Теперь эти весьма обильные числом и достоинствами сочинения влились в отечественную словесность, чем ее бесспорно приумножили. На этом все и кончилось. Русские писатели-эмигранты стали просто писателями, чей адрес должен интересоваться только налоговое ведомство. Отсутствие цензуры в России сделало бессмысленным разделение русской культуры на два русла — наше зарубежное, естественно, иссохло. Тем не менее эмигран-

тские издательства, журналы, газеты продолжают бороться за существование, и положение их не так безнадежно, как кажется. Показателен пример двух парижских литературных журналов — толстого, солидного, политического «Континента» и тонкого, эстетского, сугубо частного «Синтаксиса». Один перебрался в Москву и, насколько я знаю, исчез с горизонта, второй остался в Париже и умудрился выжить. Не зря динозавры вымерли первыми.

К сожалению, здоровье эмигрантской литературы оплачивается болезнями метрополии; чем хуже ситуация в России, тем больше талантов из нее выплескивается за рубеж. Возможно, экономический кризис еще вынудит эмиграцию вновь играть свою вечную роль собирателя и хранителя отечественной словесности.

К тому же множество русских писателей попросту отживается сейчас на Западе, что, впрочем, не делает их эмигрантами. Зато в метрополии было много эмигрантских писателей — например, окопавшийся на лето в Приднестровье Лимонов.

Петр ВАЙЛЬ. Свобода печати в России уничтожила эмигрантскую словесность, но оживила эмигрантскую журналистику.

В первые перестроечные годы русское зарубежье бросилось читать «Московские новости» и «Огонек», но потом сказались тот факт, что периодика обслуживает нужды местные и повседневные, и эмигранты вернулись к изданиям более тусклым, но своим. К тому же российские журналисты сообразили, что доллар дороже рубля, а статей хватает на оба полушария: и для славы, и для денег. Так что сейчас в русско-американских газетах имена асов метропольной журналистики встречаются нередко, и это не перепечатки. Что и отразилось благотворно на качестве здешней прессы.

Тот же долларово-рублевый фокус сработал прямо противоположно в изящной словесности. В упадке даже те эмигрантские издательства, чья финансовая основа были печатающиеся за свой счет авторы: понятно, что в Москве выпустить книгу куда дешевле, чем в Нью-Йорке. А поскольку на доходы литераторы зарубежья никогда не рассчитывали, издаваться тут по-русски потеряло всякий смысл для любого пишущего. Если даже ты звезда и издатель заплатит тебе несколько сотен долларов, то и напечатает

всего тысячу экземпляров. А в России хоть и рубли, не имеющие хождения в Штатах, зато тираж.

Это практическая сторона. Что до идейной, то гласность лишила эмигрантскую литературу смысла. А смысл был — музей, хранилище традиций. Но колить в качестве экспоната то, что продается на каждом углу, уж слишком изысканный поп-артовский концепт. Был — не соглашусь тут с Ходасевичем — и литературный процесс в эмиграции: с полемикой, иерархией, этапами развития. Особенно это стало ясно, когда в широком масштабе этапы стали повторяться в метрополии: разоблачительный пафос, освоение эротики, захлеб матом и т.п.

Сейчас, слава Богу, никто не задает и всегда-то дурацкого вопроса: сколько русских литератур — две или одна? Я даже надеюсь увидеть то время, когда и вправду будет неважно, где живет писатель. Тем более сейчас государственных границ много, немудрено запутаться: и Гоголь был на самом деле иностранец, и действие «Полтавы» происходит на территории ближнего зарубежья.

«МН»: К жизни писателей в российском зарубежье нас приобщила повесть Сергея Довлатова «Филналь». Стало ли оно иным? Появились ли в этом «Филнале» новые имена?

Петр ВАЙЛЬ. Первая фраза вызывает у меня восхищение и протест разом. Я в восторге от силы художественного слова, но решительно против трактовки «Филналя» как физиологического очерка эмиграции. Кто бы рискнул писать историю МХАТа по «Театральному роману»?

Сам Довлатов не раз с удовольствием говорил, что наконец-то ведет жизнь литературного профессионала. В Америке это значит, между прочим, невозможность существовать на доходы от книг. Сергей писал передачи на радио «Свобода», другие преподают или вообще служат программистами. Это относится и к коренным американцам. Гонорары здешнего писателя помещают его где-то рядом с грабителем банков — тоже, оказывается, недоходное дело. Но Довлатова радовала нормальность положения. Ты писатель не потому, что тебя им назначили, а потому, что ты пишешь книги. А то, что они не делаются бестселлерами, — значит, не повезло.

Повезло Набокову с «Лолитой», а до

того он тоже был обычным профессором русской литературы. Хотя Набоков-то вел (и даже ввел) чисто эмигрантскую тему как доминанту — ностальгию. К сожалению, она понастоящему не подхвачена и в нашей эмиграции встречается лишь вкраплениями, хоть и яркими — у Бродского, Цветкова, Лосева, того же Довлатова. Но в целом лучшее из изданного за рубежом написано еще на родине. Должно быть, не прошло время, нужное для освоения своей темы, которой могла бы стать ностальгия, понимаемая как разрыв миров. Может, так бы и произошло, теперь уже не узнать. К счастью.

Александр ГЕНИС. Специфические, мягко говоря, условия привели к тому, что в «третьей волне» оказалось непропорционально много писателей. А так русская литература слишком экзотическое занятие, чтобы отдаваться ему за границей. Поэтому новых имен, насколько я знаю, в эмиграции нет и не предвидится.

Что касается имен старых, то нашим классикам не удалось оправиться от

удара, нанесенного гласностью. Драма русской зарубежной литературы в том, что у нее никогда не было своей большой темы. В принципе эмигрантские писатели договаривались на Западе то, что им не дали сказать дома.

Из этой ситуации есть два выхода: один, которым, видимо, идет Солженицын, — вернуться обратно на родину, второй, который предпочел Бродский, ведет вонне, в разномыслие космополитическое культурное общество. И тот, и другой выход губителен для собственно эмигрантской литературы.

«МН»: Какая русская литература интересна американцам сегодня?

Александр ГЕНИС. После Чехова, пожалуй, никакая. Американцев интересует сегодня американская культура. Тем не менее есть узкий круг то ли ценителей, то ли специалистов, которые поддерживают в себе интерес к русским писателям. В этой среде, естественно, не определяющей финансового успеха, известность пользовался Сергей Довлатов, сейчас — Татьяна Толстая. Уважительными рецензиями сопровождались переводы книг Снявского, Войновича, Саши Соколова. В мягкой обстановке, что говорит об известной популярности, вышли «Дети Арбата» Рыбакова. Самый же поразительный факт — беспрецедентный успех труда Эдуарда Радзинского об убийстве царской семьи. Первый раз за пятнадцать лет, проведенных в Америке, я увидел книгу русского автора в списке бестселлеров.

Петр Вайль. Массовый успех просчитать еще сложнее, чем элитарный. Можно как-то предугадать отношение эстетов, но от чего взволнуется рынок — непредсказуемо. Какое дело американцам до Николая II, почти немислимо. Но успех Радзинского ровно ничего не предвещает: на книгу о Николае I или Александре II, может, никто и не взглянет. Главное — в данном случае мы имеем дело с феноменом книги, а не русской книги. Русская литература остановилась в Штатах на Толстом и Достоевском. Чехова знают лишь по театру, а Солженицына по газетам. А оброненная в Москве фраза: «Меня в Штатах издают и знают» — означает в лучшем случае читательскую аудиторию тысяч в пять, состоящую из славистов да праздных пенсионеров, у которых бабушка была из Гомеля.